ЛЕНТА.

СБОРНИКЪ,

изданный

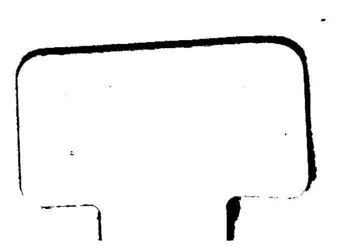
въ пользу южныхъ славянъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1876

Lepta

ЛЕПТА.

~~~~~~
~~~~~~

ЛЕПТА

СБОРНИКЪ

ИЗДАННЫЙ

ВЪ ПОЛЬЗУ ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

И дни тѣ настанутъ; отъ странъ полунощи
Господь избавленья пошлетъ благодать;
Подъ знаменемъ вѣры, исполнена мощи
Къ Стамбулу придетъ православная рать.
Падетъ передъ нею невѣрныхъ ограда
Ихъ силу на вѣки она сокрушитъ
И снова прибьетъ мо вратамъ Царяграда,
Какъ древле когда-то, побѣдный свой щитъ.

М. Розенгеймъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Департамента Удѣловъ. Литейный пр., д. № 39.
1876.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 ноября 1876 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

«На Славянъ», «въ пользу Славянъ» – вотъ девизъ дня. Всѣ жертвуютъ, каждый даетъ сколько можетъ. Не ограничиваясь «кружечными» пожертвованіями, общество пользуется всякимъ случаемъ принять и *косвенное* участіе въ дѣлѣ оказанія помощи страждущимъ братьямъ. Лекціи, спектакли, гулянья «въ пользу Славянъ» посѣщаются многочисленною публикою; изданія разнаго рода, на заглавномъ листѣ которыхъ стоятъ тѣ-же великія, могущественныя слова, раскупаются на расхватъ...

Въ настоящее время, когда съ наступившими холодными днями и самое воодушевленіе общества какъ будто бы охладѣло, эти *косвенные* способы пожертвованія получаютъ особенное значеніе. Чтобы не дать вполнѣ остыть, замерзнуть великодушнымъ

стремленіямъ общества, необходимо поддержать ихъ, давать имъ случай проявляться, обнаруживаться. Этимъ объясняется цѣль изданія нашего сборника. Если въ настоящую минуту сочувствіе къ Славянамъ во многихъ не на столько сильно, чтобы заставить каждаго нести свое посильное пожертвованіе въ „общества“ и „комитеты“, то, съ другой стороны, сочувствіе еще не такъ охладѣло, чтобы каждый не опустилъ это пожертвованіе въ поднесенную ему кружку.

Временное, больше кажущееся, чѣмъ дѣйствительное охлажденіе пройдетъ, какъ пройдутъ и сами холодные дни, но пройдетъ, конечно, скорѣе нежели они, пройдетъ, чтобы болѣе не возвращаться. Если событія близкаго будущаго не вызовутъ въ русскомъ обществѣ воодушевленія радости и восторга, то они пробудятъ, согрѣютъ опять чувства состраданія и братской любви, сознаніе необходимости помочь всѣмъ, чѣмъ возможно, необходимости довести начатое великое дѣло до конца. Снова двинутся за Дунай русскіе добровольцы и пойдутъ они, какъ и шли, не славу себѣ стяжать, а братьямъ свободу завоевывать.

А пока кто чѣмъ богатъ; большую-ли, малую-ли лепту, но пусть всякій принесетъ ее на алтарь святаго дѣла. Назвавъ нашъ сборникъ „Лептой“, мы смѣемъ надѣяться, что не унизили великаго значенія этого слова.

Г.г. академика В. П. Безобразова и профессора А. Д. Градовскаго, предоставившихъ въ наше распоряженіе свои статьи, мы просимъ принять нашу искреннюю благодарность.

Благодаримъ также г. Н. С. Воробьева за сдѣланныя уступки и услуги, оказанныя имъ при напечатаніи „Лепты“.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ

(ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ).

Вы непремѣнно желали, чтобы я написалъ вступленіе къ вашему сборнику. Спѣшу исполнить Ваше желаніе. Настоящее движеніе, въ которомъ Вы желаете принять посильное участіе, такъ велико матеріально и нравственно, что объ немъ нельзя наговориться до сыта.

Вотъ характеристическая черта переживаемой нами минуты. Общество сознаетъ какой-то долгъ свой, долгъ предъ своей страной, предъ народами единоплеменными, предъ человѣчествомъ, потому, что все человѣческое попрано турецкою ордою въ славянскихъ земляхъ. Не сказать своего слова, не сдѣлать своего дѣла въ такую минуту, значитъ, явиться соучастникомъ въ неистовствахъ турокъ,

значить, показать всему свѣту, что Россія утратила и свои преданія и свое достоинство.

Есть лица, относящіяся къ современному движенію скептически. Они считаютъ его продуктомъ моды, результатомъ минутнаго увлеченія, на которое такъ способно русское общество. „Мы увлекаемся, говорятъ они, подобно тому, какъ прежде увлекались „нашими заатлантическими друзьями“ Американцами, или Славянами, пріѣхавшими на Московскую этнографическую выставку“. Сравненіе неудачное! Въ 1866 году мы кормили американцевъ обѣдами, ѣздили смотрѣть на пресловутый „Міантономо“, вообще чествовали гостей съ тою размашистою удалью, на которую такъ способенъ русскій человѣкъ. При томъ мы только отвѣтили любезностію на любезность. Американцы предупредили насъ своими шумными оваціями въ честь русскихъ моряковъ, посѣтившихъ знаменитую республику. Нечего говорить, что и славянскихъ гостей мы не могли встрѣтить дурно. Не даромъ извѣстный поэтъ нашъ сказалъ имъ:

Но знайте, гости дорогіе,
Вы здѣсь не гости, вы свои!

Шумны были наши встрѣчи, веселы обѣды, пламенны рѣчи. Но можно-ли сравнить все это съ движеніемъ современнымъ? Развѣ въ немъ участвуютъ тѣ же классы, что и тогда, развѣ оно выражается

въ той же формѣ? Тогда мы предпринимали увеселительныя поѣздки на „Міантономо", теперь добровольцы ѣдутъ складывать свои головы на поляхъ Сербіи; тогда мы, отъ избытка своего, кормили гостей обѣдами, теперь добрая часть общества наложила на себя налогъ—иные отказываются отъ послѣдняго своего. И какъ отказываются! Нищая старуха приноситъ славянскому комитету недошитую рубашку, *извиняясь*, что она больше ничего не можетъ дать. Отставной солдатъ приноситъ сбереженіе цѣлой жизни—300 рублей, отдаетъ 225 комитету, а на 75 ѣдетъ въ Сербію сложить свои старыя кости. Служащіе въ разныхъ вѣдомствахъ облагаютъ себя процентнымъ сборомъ. Солдатъ отказывается отъ части своего пайка. Вѣдь это *налогъ* на славянское дѣло, налогъ, добровольно принятый на себя обществомъ! Гдѣ же здѣсь сходство съ обѣдами въ честь славянскихъ гостей?

Но не всѣ простираютъ свой скептицизмъ до такихъ предѣловъ; не всѣ объясняютъ дѣло модой. Въ самомъ дѣлѣ, было бы странно записать въ „модницы" нищую старуху. Но признавая объемъ движенія, другіе относятся къ нему несочувственно, отрицательно. Точку опоры для такого отношенія найти не трудно. Россія, говорятъ они, сама еще не на столько благоустроена, чтобы становиться во главѣ просвѣтительнаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ; она не на столько богата, что-

бы имѣть право посылать громадныя пожертвованія на востокъ; у насъ есть свои герцеговинцы и босняки — крестьяне наши, нуждающіеся въ школахъ, въ средствахъ медицинской помощи, часто — въ хлѣбѣ. Врачу—изцѣлися самъ!

Врядъ-ли съ этимъ можно согласиться. Гдѣ, въ какомъ кодексѣ человѣческой нравственности, записано мудрое правило, что только богатые имѣютъ *право* помогать бѣднымъ?

Не учитъ ли насъ ежедневный опытъ, что сердце бѣднаго, знающаго, что такое нужда, доступнѣе состраданію, чѣмъ сердце богача, пресыщеннаго наслажденіями? Да и теперь, сердце дѣйствительно бѣдныхъ крестьянъ нашихъ не оказалось ли чувствительнѣе къ страданіямъ нашихъ единоплеменниковъ, чѣмъ сердце многихъ милліонеровъ? Если слѣдовать логикѣ нѣкоторыхъ политиковъ, право на помощь славянамъ имѣютъ богатая Англія, зажиточная Франція, Германія, можетъ быть, но никакъ не Россія. Пусть же ждутъ истерзанные Болгаре, нищіе Черногорцы, раззоренные Сербы, Босняки, Герцеговинцы, пока развяжутся кошельки „богатыхъ" Европейскихъ народовъ, а мы подождемъ.

И это говорится въ ту минуту, когда требуется *немедленная* помощь тысячамъ страдающимъ! Какая филантропія!

Намъ говорятъ, далѣе, что у насъ есть *свои* страждущіе, которымъ мы должны помогать прежде чужихъ. Но развѣ Балканскіе славяне намъ *не* свои? Условимтесь въ смыслѣ этого выраженія. Да позволено будетъ замѣтить, что народы, особенно народныя массы, въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ не всегда соображаются съ государственными границами, установленными случайностями политической исторіи. Простому русскому человѣку чрезвычайно трудно втолковать, что балканскій славянинъ ему менѣе свой, нежели сосѣдъ магометанинъ. Онъ, не смотря на весь дипломатическій кодексъ, никакъ не пойметъ, что изувѣрства, совершаемыя надъ христіанами *за границей*, недостойны его вниманія, что всѣ добрые его инстинкты, всѣ племенныя и религіозныя его симпатіи должны остановиться на границахъ Имперіи, не могутъ перешагнуть за ея предѣлы, безъ взятія установленнаго паспорта, безъ досмотра на румынской таможнѣ и пропуска иностранныхъ властей. Такъ или иначе, но русскій человѣкъ привыкъ думать, что „иностранные“ славяне ему не чужіе, что помогая имъ, онъ дѣлаетъ угодное Богу и полезное родинѣ.

Для искорененія подобнаго убѣжденія, нужно пропустить народъ чрезъ школу политическаго индеферентизма, что не совсѣмъ легко. Замѣчательно при этомъ то, что подобныя воззрѣнія уживаются съ горячимъ интересомъ къ тому, что дѣлается въ

отдаленнѣйшихъ уголкахъ земнаго шара — кромѣ Балканскаго полуострова, который почему-то считается недостойнымъ „просвѣщеннаго вниманія публики“.

Никто не закрываетъ себѣ глазъ на всѣ несовершенства нашихъ общественныхъ условій. Никто не станетъ утверждать, что мы просвѣщены и богаты, что наше земледѣліе процвѣтаетъ, что наша торговля развита, что наша армія безусловно готова къ бою, и т. д. Но это нисколько не измѣняетъ отношеній Россіи къ восточному вопросу. Богата она или бѣдна, сильна или слаба, но она не избѣгаетъ участія въ рѣшеніи восточнаго вопроса. Или она должна допустить, чтобы вопросъ этотъ рѣшился *безъ* нея? Или она не имѣетъ никакихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ и ей нечего отстаивать въ начавшейся борьбѣ? Или она должна сказать славянамъ и Европѣ: „подождите, пока я разбогатѣю и приведу въ совершеннѣйшій порядокъ свои внутреннія дѣла, тогда и приступимъ къ восточному вопросу?“ Но исторія не ждетъ. На ея судѣ нѣтъ „очереднаго списка“ дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію. Такія дѣла, какъ восточный вопросъ, производятся безъ очереди. Австрія попробовала сказать Германіи свое „подожди“ въ 1848 году и кончила Кенигрецомъ, изгнаніемъ изъ „великаго отечества“ и распаденіемъ на Австро-Венгрію.

Въ этомъ указаніи Россіи на ея внутреннія дѣ-

ла, въ этомъ стремленіи охолодить ея участіе къ восточному вопросу, слышится нота, повидимому, весьма вѣрная. Многіе, кажется, опасаются, что общество наше, увлекшись внѣшнею политикою, забудетъ о своей домашней работѣ. Эти опасенія кажутся мнѣ напрасны. Совершенно напрасны. Именно нынѣшнія событія дадутъ нашему внутреннему движенію новый и благотворный толчекъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что восточный вопросъ теперь не получитъ окончательнаго разрѣшенія. Интересы европейскихъ государствъ слишкомъ различны, силы славянъ слишкомъ не велики, наши средства далеко не достаточны. Правительство наше, въ предѣлахъ данныхъ условій, исполняетъ лежащую на немъ задачу, и, вѣроятно, достигнетъ компромисса, т. е. нѣкотораго сноснаго modus vivendi съ турками. Въ данную минуту врядъ ли можно будетъ достигнуть чего-нибудь другаго. Останется множество неудовлетворенныхъ стремленій, ожиданій, симпатій, антипатій; останется *славянская идея* во всемъ ея грозномъ величіи. И въ этомъ наше спасеніе.

Въ нашей общественной и политической жизни получитъ окончательно право гражданства великая идея; она водворится въ умѣ и въ сердцѣ каждаго русскаго и сдѣлается элементомъ нашего воспитанія. Понять это не трудно, стоитъ только подумать, что вноситъ идеалъ въ жизнь какъ отдѣль-

наго человѣка, такъ и цѣлаго народа. Сознаніе идеала сразу и больше всякой обличительной литературы указываетъ на громадное разстояніе между тѣмъ, что *есть* и тѣмъ что *должно быть*. Христіанская проповѣдь, обращенная къ личной совѣсти человѣка, привела его къ сознанію *грѣха*, вывела его изъ языческаго самодовольства и указало ему на долгъ безконечнаго совершенствованія. Появленіе идеаловъ въ жизни общественной, сразу пробуждаютъ въ обществѣ сознаніе его несовершенства, заставляютъ его краснѣть за его своекорыстныя стремленія, за его дешовую мораль, за его апатію, за лѣнь непробудную, за невѣжество непроходимое. Возвышенный идеалъ требуетъ отъ человѣка напряженія всѣхъ лучшихъ его силъ и напряженія не минутнаго, но постояннаго, упорнаго, до кроваваго пота.

Мы скажемъ себѣ: славянскій вопросъ, вопросъ самостоятельности славянскаго міра, не могъ быть разрѣшенъ въ данную минуту, благодаря нашей экономической, умственной и нравственной несостоятельности. Мы должны сдѣлаться достойными его разрѣшенія. Въ исторіи не бываетъ успѣховъ незаслуженныхъ. Славянское дѣло не могло быть выиграно только потому, что въ данную минуту намъ вздумалось сочувствовать страдальцамъ и посылать имъ приношенія. Думали ли мы прежде о славянскомъ вопросѣ? Знаемъ ли мы славянскія земли,

мы, знающіе каждый изгибъ Рейна, каждую швейцарскую гостинницу, каждый парижскій театръ? Что сдѣлано для созданія обще-славянскаго литературнаго языка? А у себя дома? Осмѣлимся ли мы дать непостыдный отвѣтъ на грозный вопросъ: дѣлаетъ ли каждый *свое* дѣло, въ томъ кругу дѣлъ, къ которому онъ призванъ? Отвѣтомъ на это пусть послужатъ истощенныя земли, истребляемые лѣса, засоренныя рѣки, невѣжество массъ, пьянство, хищничество, чудовищное веденіе общественныхъ дѣлъ и многое другое.

Много лѣтъ тому назадъ, Гоголь произнесъ слѣдующія вдохновенныя слова: „гдѣ тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово *впередъ!* Кто, зная всѣ силы и свойства, и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйскимъ мановеніемъ можетъ устремить на высокую жизнь русскаго человѣка? Какими слезами, какою любовью заплатилъ бы онъ ему? Но вѣка проходятъ за вѣками; полмилліона сидней, увальней и болвановъ дремлетъ непробудно, и рѣдко рождается на Руси мужъ, умѣющій произнести его, это всемогущее слово".

Да, но врядъ ли человѣку и удастся сказать его. Его громко и гласно произносятъ событія. Съумѣемъ понять ихъ! станемъ за работу, на простую, черную и заурядную работу, но въ сознаніи великой цѣли. Поймемъ, что великіе историческіе

вопросы разрѣшаются *трудомъ*, тяжкимъ и упорнымъ. „Въ потѣ лица *снѣси* хлѣбъ твой“. Такова заповѣдь, данная человѣку Творцемъ. Она и пребудетъ заповѣдью во вѣки.

А. Градовскій.

14 Сентября 1876 года.
С.Петербургъ.

НА БѢДНЫХЪ.

(Pour les pauvres, par V. Hugo).

Когда, богатые, въ хоромахъ золотыхъ,
Огнями до низу отъ верха залитыхъ,
Въ шелку и бархатѣ, въ каменьяхъ драгоцѣнныхъ,
При громѣ музыки, веселый разговоръ,
За танцами, смѣясь, ведете вы, и взоръ
Не удивляетъ вашъ число богатствъ безцѣнныхъ;

***

Когда сребристый звонъ измѣнитъ въ пѣснь для васъ
Часовъ ужасный, мрачный гласъ,
О, можете-ли вы себѣ представить ясно,
Что въ этотъ самый мигъ, въ зеркальное окно,
Бѣднякъ, не ѣвшій ужъ давно,
Глядитъ, завидуя, какъ ваша жизнь прекрасна?

***

Повѣрите-ли вы, что нищій, не по лѣни,
На улицѣ, отецъ, слѣдитъ какъ ваши тѣни,
Блистая кружатся въ покояхъ золотыхъ?
Поймете-ль вы слова: «какъ много силы, власти,
Друзей какая тьма! Здѣсь все любовь и счастье,
Въ игрушкахъ ихъ дѣтей, что хлѣба для моихъ!»

***

Уныло, про себя, бѣднякъ вашъ пиръ равняетъ
Съ холоднымъ очагомъ, гдѣ пламя не бываетъ,
Съ несчастными дѣтьми, съ ихъ матерью несчастной,
Съ лежащею въ углу, лохмотьями прикрытой,
Старухой-бабушкой, болѣзнями разбитой,
Ко всѣмъ и ко всему давно ужъ безучастной.

***

Различныя судьбы даны людямъ отъ Бога!
Съ рожденія по смерть однимъ трудна дорога,
Не всѣ на счастья званы пиръ,
Не всѣмъ на свѣтѣ жить прекрасно,
Гласитъ законъ, законъ ужасный:
Избранникамъ: *живи*, *завидуй* прочій міръ!

***

Весь ужасъ этихъ словъ лишь бѣдный понимаетъ,
Онъ носитъ въ сердцѣ ихъ, ихъ грѣетъ и питаетъ.
Судьбы избранники, вамъ много рокъ даетъ!
Все то, что бѣдняка ласкаетъ скромный взоръ,
Отъ васъ отниметъ пусть не воръ,
А милосердіе возьметъ!

***

Вѣдь милосердье бѣдныхъ мать!
Мать тѣхъ, кто долженъ называть
Злой мачихой судьбу свою!
Оно, несчастныхъ всѣхъ отрада,
Какъ Богъ провозгласитъ, когда то будетъ надо
«Ядите мою плоть и пейте кровь мою!

***

Богатые! Отдайте бѣднымъ сами
Алмазы, жемчуги и золото съ камнями.
Пусть милосердіе всю мишуру пустую
Съ груди у вашихъ женъ, игрушки отъ дѣтей
Святою силою своей
Возьметъ, чтобы отдать голоднымъ зачастую.

***

На бѣдныхъ! Сжальтеся, подайте тѣмъ кто бѣденъ!
Когда старикъ дрожащъ и блѣденъ.
Не смѣя перейти порога у крыльца,
Ждетъ подаянья долгій часъ,
Иль дѣти ищутъ крохъ, что падаютъ отъ васъ,
Богатые, тогда гнѣвите вы Творца!

***

На бѣдныхъ! Чтобы Богъ, даруя счастье вамъ,
Далъ дочерямъ красу и силу сыновьямъ;
Чтобъ были гроздьями отягчены всѣ лозы,
Чтобъ житницы ломились отъ зерна,
Чтобъ стали лучше вы, чтобы во время сна
Являлись дивныя вамъ грезы.

***

На бѣдныхъ! Чтобъ въ тотъ день, когда не станетъ васъ
Изъ милостыней вамъ на небѣ былъ запасъ.
Чтобъ бѣдный могъ сказать: «онъ сжалился надъ нами!»
Чтобъ тотъ кто голоденъ, кому здѣсь труденъ путь,
Во время пиршества въ окно къ вамъ могъ взглянуть,
Не столь завистными глазами.

***

На бѣдныхъ! Чтобъ любовь вамъ заслужить Христову,
Чтобъ уваженіе и добраго и злаго
Чтобъ счастье вашъ очагъ не покидало вѣкъ.
На бѣдныхъ! Чтобъ когда прійдетъ расплаты часъ
Молитва бѣдняка раздалась *тамъ* за васъ,
Гдѣ нищетой своей всесиленъ человѣкъ!

Пер. П. **Рейнботъ.**

ВЪ ОЖИДАНЬИ.

. . . . А вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ... Повисли паруса,
Недвижимъ нашъ корабль, стоитъ какъ изваянье;
Раскинувшись надъ нимъ, синѣютъ небеса
Въ бездушной красотѣ, въ торжественномъ сіяньи.
Расплавленнымъ стекломъ легла громада водъ,
Вся блескомъ залита, но мертвая, нѣмая....
Сознанье тяжкое безсилія, какъ гнетъ,
Ложится нá сердцѣ, что, страстно замирая,
Стремится съ мукою туда, гдѣ полоса
Родной земли, для глазъ чуть видная, темнѣетъ....
А вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ; повисли паруса....
И тишь, и блескъ кругомъ, и въ сердцѣ злоба зрѣетъ...

* * *

И тишь и блескъ кругомъ.... Галлюцинацій рядъ,
Терзая и дразня, проходитъ предъ глазами:
Вонъ волны рѣкъ родныхъ играютъ и гремятъ,
И мчатся, сжатыя крутыми берегами;
Вонъ вкругъ убогихъ селъ убогія поля,
Облитыя слезой обильною и кровью....
И вся желанная далекая земля
Какъ будто тутъ, въ глазахъ.... Съ привѣтомъ и любовью
Шумятъ по скатамъ горъ зеленые лѣса,
Манятъ, зовутъ къ себѣ.... Рвануться-бъ къ нимъ скорѣе—
Но вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ, повисли паруса,
И тишь, и блескъ кругомъ и злоба все сильнѣе....

* * *

Нѣтъ пытки тяжелей: стоять передъ врагомъ,
Съ нимъ рваться въ бой и знать, что тщетны всѣ усилья,
И въ бѣшенствѣ тупомъ, подстрѣленнымъ орломъ
Безплодно поднимать подстрѣленныя крылья!
. . . . Близка стремленья цѣль. Въ мечтѣ ужъ подъ ногой
Шуршитъ, скрипитъ песокъ на пристани родимой
И, тѣша жадный взоръ, открылся предъ тобой
Давно желанный видъ знакомый и любимый.
Ужь слышишь, чудятся родимыхъ голоса,
Ужь видишь ихъ къ тебѣ протянутыя руки....
А вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ.... повисли паруса....
И рвется сердце вонъ отъ скорби и отъ муки!...

* * *

И рвется сердце вонъ.... Роятся и кипятъ
Мечты въ разрѣзъ всему, что видится на дѣлѣ:
Гдѣ вѣруютъ въ тебя, гдѣ только мига ждутъ
Идти рука съ рукой съ тобою къ общей цѣли—
Туда, закованъ, слабъ, ты можешь лишь душой
Стремиться на призывъ, съ мученьемъ сознавая
Безсиліе свое, и въ ярости слѣпой
Затишье, и себя, и море проклиная!...
Бездушно надъ тобой сверкаютъ небеса,
Отъ моря вѣетъ вкругъ нѣмымъ покоемъ гроба,
И вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ, недвижны паруса,
И тишь, и блескъ кругомъ, и въ сердце злоба, злоба!...

Н. В. Сим--скій.

ТУДА! ТУДА!

(Стихотворенiе Николая I Негоша, князя Черногорскаго).

Туда! туда! за горы голубыя,
Гдѣ моего властителя былъ дворъ!
Тамъ, говорятъ, сбирался въ дни былые
Нашъ вѣчевой, юнацкiй нашъ соборъ.

Туда! туда!... О, Призренъ, слава края!
Дай мнѣ взглянуть — побыть въ твоихъ стѣнахъ.
Меня зоветъ страна моя родная—
И я пойду съ оружiемъ въ рукахъ!

Туда!... Съ развалинъ царскаго чертога
Скажу врагу: «отъ крова моего
Прочь ты, чума! Скопилось долгу много:
Пришла пора мнѣ выплатить его!»

Туда! туда! за этими горами
Есть, говорятъ, цвѣтущiй, свѣтлый край
Съ Дечанскими священными стѣнами:
Молитва тамъ душѣ даруетъ рай.

Туда! туда! за выси тѣ крутыя,
Гдѣ небо въ сводъ скруглилось голубой!
Туда! туда! въ долины боевыя—
Въ нашъ сербскiй край мы путь направимъ свой.

Туда! туда! за этими горами
Насъ кличетъ Югъ, герой маститый нашъ:
«Сюда! ко мнѣ!» растоптанный конями,
Взываетъ онъ: «месть — долгъ священный вашъ!»

Туда! туда! — и на костяхъ турецкихъ
За кости Юга сабли иззубримъ
И сталью этихъ сабель молодецкихъ
Оковы бѣдной раи сокрушимъ.

Туда! туда!... За этими горами
Гробъ Милоша — героя мы найдемъ....
Тамъ миръ душевный обрѣтется нами —
И сербъ не будетъ болѣе рабомъ.

Перев. В. **Бенедиктовъ**.

ЗАРЯ.

(Стихотвореніе современнаго хорватскаго поэта Петра Преградовича).

Полночь минула — что будитъ
Въ этотъ часъ мой крѣпкій сонъ?
Гусли дѣдовскія сами
Издаютъ чуть слышный тонъ
Тихо, тихо говоря:
«Скоро день — уже заря!»

Полночь минула — покойны
Долы, горы и потокъ;
Но ужь шепчетъ съ синимъ моремъ
Предразсвѣтный вѣтерокъ —
Шепчетъ, тихо говоря:
«Скоро день — уже заря!»

Полночь минула — окрестность
Сномъ объятая лежитъ,
Но уже съ востока птица
Пробужденная летитъ,
И щебечетъ, говоря:
«Скоро день — уже заря!»

Полночь минула — во мракѣ
И земля и океанъ,
Но алѣетъ на Востокѣ —
Блещетъ Вила всѣхъ славянъ —
Блещетъ, тихо говоря:
«Скоро день — уже заря!»

Скоро день — уже заря!
Обрати-жь къ востоку очи
О страна моя! Заря
Гонитъ сумракъ долгой ночи:
Пусть дневной откроетъ свѣтъ
Кладъ, зарытый столько лѣтъ.

Перев. **М. Петровскій.**

ВПЕРЕДЪ!

Впередъ друзья! Спѣшимъ туда
Гдѣ стоны, вопли и рыданья,
Гдѣ смерти муки и страданья,
Спѣшимъ туда!

***

Впередъ друзья! Тамъ льется кровь,
Младенцы, старцы тамъ страдаютъ,
Пощады слова тамъ не знаютъ,
Тамъ льется кровь!

***

Впередъ друзья! Погибнемъ всѣ,
Но защитимъ Славянъ несчастныхъ,
Иль съ ними въ мукахъ мы ужасныхъ
Погибнемъ всѣ!

Павелъ Рейнботъ.

Можете ли Вы удивляться, что на наступившей для насъ угрюмой осени жизни, въ этомъ внезапномъ воодушевленіи, охватившемъ теперь всю Россію, намъ прежде всего слышится воодушевленіе нашихъ собственныхъ молодыхъ лѣтъ. Вамъ извѣстна слабость нашего поколѣнія къ поэзіи. Ваше равнодушіе къ ней многіе изъ Васъ еще не такъ давно выставляли намъ на показъ, какъ успѣхи зрѣлости. При нынѣшнемъ настроеніи Вашемъ стихи уже не покажутся Вамъ неумѣстными, и я не могу не привести словъ нашего великаго лицейскаго поэта, лучше всего объясняющаго мою мысль:

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ,
Сребритъ морозъ увянувшее поле.
Проглянетъ день, какъ будто по неволѣ,
И скроется за край окружныхъ горъ *)...

Восходящее солнце освобожденія славянъ оживило своимъ свѣтомъ и насъ вмѣстѣ съ Вами. Будемъ же вмѣстѣ надѣяться, со всѣми пламенными надеждами молодости, что оно не скоро отъ насъ скроется. Его теплота, отъ которой кипитъ Ваша кровь, проливаетъ животворную струю и въ наши не совсѣмъ остынувшія жилы. Соединеніе въ одномъ чувствѣ и въ одной мысли всѣхъ живущихъ поколѣній есть, можетъ быть, одно изъ самыхъ утѣшительныхъ явленій настоящей минуты; мы, къ несчастію, уже

*) Пушкинъ, 19 Октября 1824 года.

давно его не видали въ Россіи. Хотя послѣ всего нами пережитаго мы болѣе не способны жить, какъ Вы, однимъ чувствомъ и одними восторгами посреди великихъ историческихъ событій, хотя мы встрѣчаемъ ихъ съ нѣкоторымъ раздуміемъ, Вамъ не совсѣмъ понятнымъ, но мы еще не совсѣмъ состарились, чтобы не чувствовать и не думать съ Вами за одно въ настоящую минуту. Чтобъ не ожидало насъ впереди, у насъ будетъ меньше однимъ изъ тѣхъ печальныхъ недоразумѣній, съ которыми невозможны никакіе здоровые историческіе успѣхи общества: посреди нынѣшняго общественнаго движенія должны прекратиться прежніе толки объ разъединеніи стараго и молодаго поколѣнія,—отцевъ и дѣтей.

Многихъ изъ насъ свѣтъ зари, показавшійся изъ за Балканскихъ горъ, озарилъ надеждами даже болѣе радужными, чѣмъ иныхъ самыхъ пылкихъ юношей. Для неисправимыхъ идеалистовъ нашего поколѣнія черныя облака, начинавшія заволакивать наше осеннее небо, дѣлались даже гораздо болѣе тягостными, чѣмъ для столь многихъ практическихъ реалистовъ молодаго поколѣнія; Вы знаете, что многочисленная толпа этихъ новѣйшихъ практиковъ, принадлежащая къ поколѣніямъ послѣднихъ лѣтъ, всего болѣе печалила насъ и всего болѣе отдаляла отъ нихъ сочувствія старыхъ идеалоговъ. И вотъ можно-ли теперь не порадоваться, что старые

залось бы еще болѣе страннымъ полное наше убѣжденіе, что за этой эпохой возбужденія, которая представляется вамъ чѣмъ-то чрезвычайнымъ и всерѣшающимъ, должна опять непремѣнно настать эпоха тишины, можетъ быть застоя; что ни какой одинъ день самъ собою ничего не рѣшаетъ ни въ какой исторіи, а тѣмъ менѣе въ русской, и только цѣлый рядъ всякихъ эпохъ и періодовъ, которые всѣ неразрывно между собою связаны и истекаютъ одни изъ другихъ, при всемъ видимомъ своемъ разнообразіи и противорѣчіяхъ, приводитъ къ какимъ-нибудь историческимъ рѣшеніямъ. Эти рѣшенія исторической судьбы никогда не бываютъ внезапны, какъ бы это не могло казаться по наружнымъ и крупнымъ историческимъ переворотамъ, по разнымъ формальнымъ историческимъ актамъ, — оглашенію дипломатическихъ нотъ, ультиматумовъ, объявленіямъ войнъ и т. д. Вы до сихъ поръ только учились исторіи и еще не жили ею; Вы еще не прочувствовали ее на самихъ себѣ, потому и весьма естественно нѣкоторое различіе Вашихъ и нашихъ чувствъ въ настоящую минуту. Васъ можетъ быть поразитъ, что посреди такихъ прекрасныхъ мгновеній,—которыя мы вмѣстѣ съ Вами заодно переживаемъ, мы можемъ быть озабочены и можемъ омрачать для себя эти мгновенія мыслью о томъ, что будетъ дальше,—что можетъ и должно послѣдовать гораздо позже,—что, напримѣръ, случится, когда наши сперва восторженные, потомъ утомленные и можетъ быть

разочарованные добровольцы вернутся съ своего боеваго поприща домой, къ мирнымъ домашнимъ трудамъ и т. д. Но не будемъ загадывать въ будущее, не будемъ безъ нужды омрачать себя никакимъ раздумьемъ, это также непріятно и опасно для юнаго, какъ и для стараго поколѣнія. Гораздо полезнѣе взглянуть на болѣе извѣстное намъ прошлое.

Я заговорилъ въ началѣ письма о воспоминаніяхъ нашей молодости, относящихся къ эпохамъ общественнаго возбужденія въ Россіи, подобнымъ нынѣшнимъ.

Я вспоминаю при этомъ не объ тѣхъ дняхъ первой молодости, о которыхъ нашъ поэтъ сказалъ: „Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея я безмятежно процвѣталъ“... Эта эпоха сороковыхъ годовъ была совершенно противуположна нынѣшней во всѣхъ отношеніяхъ. Наше воспитаніе закончилось, и мы вышли въ люди (1847 годъ) посреди періода глубочайшаго сна, можно сказать, омертвенія общества, какое когда-либо посѣщало Россію.

До сихъ поръ черезъ 30 лѣтъ чувствуются неизгладимыя послѣдствія этого періода, которому западная Европа обязана своими величайшими умственными, гражданскими и промышленными успѣхами въ нынѣшнемъ столѣтіи; у насъ былъ въ это время полный застой въ государственной жизни. Впрочемъ, несмотря на все окружающее безмолвіе общества, мы жили *не совсѣмъ безмятежно* внутри

стѣнъ нашей собственной школьной жизни. Напротивъ того, сильное политическое давленіе, которому подвергалась русская жизнь въ то время, какъ будто возбуждало до-нельзя умственныя силы въ нашей юной средѣ. Это возбужденіе, конечно, имѣло самый отвлеченный, теоретическій характеръ, который можетъ вызвать только ироническія улыбки многихъ практическихъ юношей нашего времени. Запертые наглухо отъ всякихъ гражданскихъ волненій въ нашемъ маленькомъ школьномъ мірѣ, увѣренные, что въ Россіи вообще дѣлать нечего и ничего сдѣлать нельзя, согласно съ „нашими убѣжденіями и идеями“, мы однако страшно волновались по случаю теоретическихъ вопросовъ, овладѣвшихъ нашими умами. Мы ожидали ежемѣсячно появленія статьи Бѣлинскаго (въ Отечественныхъ Запискахъ), какъ великаго историческаго событія, почти съ такимъ же замираніемъ сердца, съ какимъ ожидаются теперь телеграфическія депеши о мирѣ или войнѣ, о разговорахъ генерала Игнатьева съ султаномъ Гамидомъ. Мы были въ то время чрезвычайно обезпокоены судьбами „натуральной литературной школы“, которую Бѣлинскій захотѣлъ поставить на мѣсто романтической, вслѣдъ за изданіемъ „Мертвыхъ душъ“ Гоголя. Послѣ того мы еще съ большимъ напряженіемъ занялись вопросомъ о соціализмѣ, о самомъ отвлеченномъ теоретическомъ соціализмѣ, проповѣданномъ въ то время такими абстрактными и наивными друзьями всего человѣче-

ства, какъ напр. Піеръ-Леру; у насъ шли самые ожесточенные споры по этому предмету; мы раздѣлились на два лагеря; одни изъ насъ (экономисты) были горячо убѣждены, что спасти человѣчество можетъ только принципъ „конкуренціи", другіе (соціалисты)—что только принципъ „ассоціаціи"...

Все это не имѣло и не могло имѣть никакого отношенія къ исторической дѣйствительности и въ особенности къ Россіи. Мы это знали и въ этомъ направленіи только и думали, чрезвычайно довольные и гордые нашими внутренними волненіями и спорами, отвлеченными отъ всякаго мѣста и времени. Въ этой атмосферѣ, подавленной „печальною дѣйствительностью", къ которой мы питали самое глубокое презрѣніе, воспитался нашъ идеализмъ,—тотъ идеализмъ, который кажется Вамъ такъ страннымъ и который однако-же довелъ многихъ изъ насъ въ болѣе зрѣлые годы до такихъ смѣшныхъ крайностей, что даже въ банковыхъ операціяхъ, въ бумажныхъ деньгахъ и въ желѣзныхъ дорогахъ мы не видѣли ничего другаго, кромѣ интересной идеи и интересной теоріи... Не всѣ, конечно, изъ насъ стояли тогда и остались впослѣдствіи на почвѣ этого наивнаго идеализма.

Я не знаю, счастливѣе или несчастнѣе Вы насъ, бывъ воспитаны посреди совершенно иныхъ условій общественной жизни. Мы почти не помышляли ни о какомъ практическомъ дѣлѣ, ни промышленномъ,

ни бюрократическомъ, считая его несовмѣстнымъ съ „нашими убѣжденіями" и во слѣдъ за нашимъ лицейскимъ поэтомъ и богомъ, которому были воздвигаемы памятники въ лицейскомъ саду, съ восторженными надписями „Genio loci", каждый изъ насъ готовъ былъ думать, какъ онъ:

Куда бы насъ не бросила судьбина
И счастіе куда-бъ не повело,
Все тѣ-же мы: *намъ цѣлый міръ—чужбина*,
Отечество намъ Царское село (*).

Для Васъ практическія поприща открыты даже гораздо раньше, чѣмъ Вы успѣли къ нимъ приготовиться—кончить курсъ. Вы гораздо раньше насъ вкусили всѣхъ практическихъ наслажденій жизни, но съ ними также и ея горечи.

Вы увѣрены, что спросъ на Ваши рабочія силы великъ въ Россіи, что онъ далеко превосходитъ предложеніе, что отъ Васъ зависитъ найти дѣло, къ которому Вы можете примѣнить всѣ наилучшія Ваши убѣжденія и идеи, что вездѣ въ нашемъ пространномъ отечествѣ, на всѣхъ безъ изъятія поприщахъ дѣло только ждетъ Васъ. Въ этомъ отношеніи Вы счастливѣе насъ: мы оканчивали наше воспитаніе съ самымъ искреннимъ убѣжденіемъ, что съ „нашими мыслями" мы нигдѣ и ни на что практическое не можемъ быть употреб-

(*) Пушкинъ, 19 октября 1825 года.

лены. Весьма многіе изъ насъ, наилучшіе и наиболѣе преданные своимъ мыслямъ, и сдѣлались весьма *практическими* ихъ жертвами... Такія жертвы въ настоящее время къ счастію немыслимы. Въ этомъ отношеніи Вы счастливѣе насъ.

Не надо однако слишкомъ осуждать тотъ отвлеченный идеализмъ эпохи нашей первой молодости, о которой я выше упомянулъ. Въ этомъ идеализмѣ воспитались люди, руками которыхъ, во имя этихъ отвлеченныхъ общечеловѣческихъ идей, во имя общечеловѣческихъ правъ гражданской свободы, независимаго суда, мѣстнаго управленія, свободы науки, мысли и слова, были совершены величайшія и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя практическія реформы нынѣшняго царствованія. Благодаря только этимъ реформамъ для Васъ самихъ открылись всѣ поприща дѣятельности, и Вы никогда не можете испытать на себѣ всѣхъ тѣхъ страданій, которыя выпадали на долю многихъ чистосердечныхъ и неосторожныхъ представителей этихъ идей въ нашемъ поколѣніи...

Каждое время имѣетъ свои пороки и свои добродѣтели. Безусловный оптимизмъ относительно того или другаго времени также не здравомысленъ, какъ и безусловный пессимизмъ. Положительный и непремѣнный историческій прогрессъ совершается очень медленно, только цѣлыми вѣками, и уже конечно не годами и не десятками лѣтъ. Мы достаточно научены и опытомъ и наукою, чтобы быть обязаны относиться

критически, т. е. сознательно, и къ своему и къ чужому времени, какимъ бы благороднымъ воодушевленіемъ ни была полна наша душа.

Враждовать противъ подобнаго критическаго сознанія съ оптимистической или пессимистической точки зрѣнія могутъ только люди, одержимые невѣжественными юношескими или же старческими предразсудками. Сверхъ всего этого, исторія уже давно научила насъ той слишкомъ простой истинѣ, что пороки и добродѣтели каждаго времени прямо истекаютъ изъ пороковъ и добродѣтелей всѣхъ предъидущихъ временъ, что всѣ поколѣнія во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ и доблестяхъ солидарны между собою и всѣ отвѣтственны какъ за себя, такъ и за другихъ. Потому всякая исключительная хвала въ честь какого-либо одного поколѣнія также безсмысленна, какъ и исключительное осужденіе одного поколѣнія другимъ.

Ни „отцы", ни „дѣти" не появляются внезапно на землѣ совсѣмъ готовые; и тѣ и другіе выростаютъ на исторической почвѣ всѣхъ предъидущихъ поколѣній, вырабатываются трудомъ ихъ всѣхъ, столько-же, какъ и своимъ собственнымъ.

Въ одномъ отношеніи условія нашего воспитанія были, можетъ быть, гораздо счастливѣе вашихъ. Въ тѣсной, замкнутой отъ всякихъ общественныхъ развлеченій и движеній, атмосферѣ нашей школьной жизни, нашихъ дружескихъ, почти семейныхъ, това-

рищескихъ кружковъ, работала съ гораздо бо́льшимъ напряженіемъ, если не наука, въ настоящемъ смыслѣ слова, то *наша мысль*. Она, конечно, была очень часто болѣзненна въ своей отвлеченности, была часто ничѣмъ инымъ, „какъ плѣнной мысли раздраженіемъ“. Но все-таки тутъ была та сильная умственная и душевная работа, то сосредоточеніе ума и воли, которое очень затруднительно въ нынѣшнее время, когда бойкая жизнь общества совсѣмъ своимъ разсѣяніемъ и со всѣми своими движеніями врывается въ школу и открываетъ настежъ всѣ ея двери.

Эпоха нашего воспитанія не вѣдала никакихъ „общественныхъ движеній“, никакой общественной жизни, кромѣ развѣ салонной; понятія „общества“ (la société) и „салонъ“ были даже тогда тождественны. Въ то время, впрочемъ, едва возникала на каѳедрахъ германскихъ ученыхъ самая „теорія различенія государства и общества“. Все это сказано мною нисколько не для огульнаго восхваленія школы нашего времени и нисколько не для огульнаго порицанія школы нынѣшней; я только намѣчаю нѣкоторыя характеристическія черты временъ, отъ которыхъ невольнà совершенно освободиться никакая самая строгая школьная дисциплина. Я къ тому же спѣшу къ тѣмъ позднѣйшимъ эпохамъ общественнаго возбужденія въ болѣе зрѣлой нашей мо-

лодости, о которыхъ напоминаетъ намъ нынѣшнее общественное воодушевленіе Россіи.

Я вспоминаю объ эпохѣ восточной войны или лучше ея конца, объ эпохѣ освобожденія крестьянъ и другихъ государственныхъ реформъ (въ концѣ 50-тыхъ и въ началѣ 60-тыхъ годовъ), объ эпохѣ польскаго возстанія и коалиціи всей Европы противъ Россіи (въ 1863 г.). Я могу здѣсь говорить обо всѣхъ этихъ памятныхъ эпохахъ нашего общественнаго возбужденія лишь очень кратко, лишь насколько это необходимо для тѣхъ размышленій, на которыя наводитъ сравненіе ихъ съ нынѣшнею общественною дѣятельностью Россіи на помощь южнымъ славянамъ.

То отчужденіе русскаго общества и народа отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ и заботъ, о которомъ я упомянулъ выше, и которымъ былъ запечатлѣнъ весь періодъ нашего воспитанія, та теоретическая отвлеченность всѣхъ мыслящихъ и лучшихъ людей этого періода, и ихъ удаленіе отъ всякой практической государственной дѣятельности, имѣли много печальныхъ результатовъ въ ходѣ восточной войны, которая была однако предпринята покойнымъ Императоромъ съ намѣреніями не менѣе великодушными, чѣмъ сочувствія къ славянамъ, воодушевляющія теперь все русское общество. Но при совершенномъ разлученіи общества съ государствомъ, восточная война была начата, какъ чисто

правительственное предпріятіе, если не посреди равнодушія общества, то посреди полнаго съ его стороны невѣдѣнія нашихъ государственныхъ силъ. Въ то странное время, когда общественнаго мнѣнія, или по крайней мѣрѣ, общественной критики не существовало, всѣмъ казалось, что что бы ни задумало и ни предприняло правительство — все для него возможно... Сомнѣваться въ непобѣдимости правительства и арміи къ одолѣнію какого бы то ни было врага, никому не приходило въ голову... За то и разочарованіе было ужасно. Неожиданныя пораженія дипломатическія и военныя глубоко потрясли общество; оно встрепенулось и не осталось въ сторонѣ отъ войны и ея жертвъ. Всѣ классы народа шли въ ряды войскъ и ополченій съ такимъ-же самоотверженіемъ, съ какимъ идутъ теперь добровольцы въ Сербію. Но все это народное и всесословное движеніе, было строго регулировано правительственными властями и оставалось, при всемъ своемъ пылѣ, подъ ихъ крѣпкою уздою, подобно тому, какъ мѣстныя ополченія крестьянъ и податныхъ сословій устроивались подъ предводительствомъ и главенствомъ дворянства, вооруженнаго тогда своимъ крѣпостнымъ правомъ.

Самую серьезную характеристическую черту, проходящую черезъ всѣ упомянутыя эпохи Россіи и заслуживающую наибольшаго вниманія, составляетъ, какъ мнѣ кажется, слѣдующее явленіе: все большее

и большее съ каждою новою эпохою выступленіе *общественныхъ* или народныхъ элементовъ и силъ на сцену политическаго дѣйствія. Государственное дѣло, съ каждою новою эпохою, все болѣе и болѣе освобождается изъ подъ исключительной бюрократической опеки и отъ монополіи прямыхъ ея агентовъ; къ ихъ канцелярскимъ распоряженіямъ присоединяется, все въ большей и большей степени, свободная дѣятельность общества. Въ этомъ отношеніи приготовленіе ко второй восточной войнѣ, если только она суждена намъ, должны сдѣлаться самымъ рѣзкимъ историческимъ контрастомъ въ сравненіи съ первою восточною войною, хотя разстояніе между тою и другою менѣе, четверти вѣка. Первая война находилась въ исключительномъ завѣдываніи чиновниковъ не только въ теченіи всего перваго періода, но почти даже во все время севастопольскаго погрома, отъ котораго дрогнуло каждое русское сердце; а вторая война еще далеко не началась, когда все русское общество было уже къ ней готово. Будемъ уповать, что и результаты будутъ иные...

Отчужденіе общества, его свободной дѣятельности отъ государства и отъ государственнаго дѣла было самымъ тяжкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ плодотворнымъ опытомъ, который мы вынесли для нашей внутренней государственной жизни изъ восточной войны. Этотъ опытъ и послужилъ на пользу перваго великаго дѣла, совершеннаго послѣ этой вой-

ны. Общественныя силы, т. е. частные люди, самые простые съ точки зрѣнія бюрократической іерархіи, безо всякаго различія чиновъ, но люди, давно представлявшіе собою общественную мысль о необходимости упраздненія крѣпостнаго права и давно носившіе въ своей душѣ эту мысль, — эти люди призываются и къ обсужденію, и къ исполненію крестьянской реформы. Эта реформа вполнѣ удалась, чтобы не говорили объ ней домашніе и чужестранные хулители Россіи; если крестьяне наши еще далеко не зрѣлые граждане нашего общества, то они обязаны этими пороками, конечно, не своему освобожденію, а своему младенчеству въ крѣпостномъ состояніи. Затѣмъ, въ каждомъ дальнѣйшемъ государственномъ преобразованіи, обновившемъ весь строй нашего государства, участіе самостоятельныхъ общественныхъ силъ было все болѣе и болѣе значительно. Съ земскою и городскою реформами образовались, наконецъ, совсѣмъ независимые отъ бюрократической власти государственно-общественные союзы. Ихъ внутреннее хозяйство можетъ ожидать и желать большихъ успѣховъ, но какъ самостоятельныя единицы въ общегосударственной жизни, они уже проявили свое существованіе въ нынѣшней эпохѣ общественной дѣятельности на помощь славянамъ. Въ этомъ именно и заключается развитіе нашей общественной и съ нею государственной жизни, всего болѣе замѣтное при сравне-

нiи разныхъ эпохъ, нами пережитыхъ. Это развитiе выступаетъ всего рѣзче, если сравнить нынѣшнее движенiе съ послѣднею предъ симъ эпохою нашего общественнаго возбужденiя (1863). Общественное мнѣнiе громко и рѣшительно заговорило противъ приниженiя Россiи передъ Западно-Европейскою коалицiей, требовавшею отъ насъ въ 1863 г. унизительныхъ уступокъ интригѣ польской шляхты, заключившей союзъ съ фанатизмомъ римской курiи. Вслѣдъ за тѣмъ наши свободныя общественныя силы играли еще большую роль въ мирной и самой главной побѣдѣ русскаго государства надъ Польшею, — въ освобожденiи черныхъ порабощенныхъ народонаселенiй Привислянскаго края отъ шляхетскаго и церковнаго гнета, когда правительство занялось устройствомъ этого края сообразно со всѣми требованiями современной цивилизацiи. Но несмотря на всю мощь общественнаго движенiя 1863—1864 гг. противъ польскихъ пановъ и латинскихъ церковниковъ, оно было совсѣмъ ничтожно въ сравненiи съ нынѣшнимъ движенiемъ; русское общество того времени было еще неспособно и безсильно къ такой самостоятельной организацiи своего мнѣнiя и своей дѣятельности, къ такому бодрому почину, какой оно проявило нынѣ во всѣхъ своихъ дѣйствiяхъ на помощь южнымъ славянамъ.

Вотъ на этотъ-то историческiй процессъ въ развитiи нашего государственнаго быта мнѣ и хотѣ-

лось указать, въ связи съ личными воспоминаніями объ разныхъ временахъ, нами пережитыхъ. Признаки всѣхъ этихъ временъ слишкомъ бѣгло и спѣшно мною набросаны посреди страшнаго вихря событій около насъ теперь бѣгущихъ, но они кажется достаточно мною очерчены, чтобы можно было вынести изъ нихъ убѣжденіе въ неуклонности этого историческаго процесса, который непреложно сопутствуетъ исторію каждаго европейскаго государства; онъ не чуждъ и нашей націи.

Порывистый ходъ этого историческаго процесса въ Россіи, перемежающійся лихорадками и летаргіями общества, внушаетъ многимъ нашимъ скептикамъ, даже согрѣтымъ истинною любовью къ отечеству, недовѣріе къ его историческому прогрессу, часто совершенное уныніе... Но, какъ бы не былъ желателенъ (во всякомъ случаѣ болѣе пріятенъ для нѣкоторыхъ темпераментовъ), болѣе устойчивый и болѣе правильный ходъ государственной исторіи, она имѣетъ у каждой европейской націи свои особенности, которыя не могутъ быть подведены ни подъ какія нормальныя правила, изданныя въ законодательныхъ собраніяхъ или въ кабинетахъ ученыхъ. Исторія бываетъ очень причудлива и неуловима въ своихъ странныхъ поворотахъ, въ теченіи жизни не только одного, но даже и нѣсколькихъ поколѣній; если она проявляетъ свои вѣчные и правильные законы, то только развѣ по

въ отдаленныя историческія причины и неспособныхъ къ дедуктивнымъ пріемамъ изслѣдованія, то я хоть мимоходомъ упомяну здѣсь о болѣе модномъ теперь индуктивномъ способѣ доказательствъ. Уже на нашей собственной памяти наши алармисты не въ первый разъ насъ по напрасну пугаютъ; мы сами уже пережили не мало самыхъ положительныхъ фактовъ, превратившихъ въ ничто всѣ эти мрачныя и легкомысленныя предсказанія. Въ каждую изъ многихъ эпохъ общественнаго возбужденія въ Россіи говорилось тоже самое. Припомнимъ только величайшую на памяти нашего поколѣнія эпоху освобожденія крестьянъ. Развѣ съ двухъ крайнихъ противуположныхъ сторонъ,—людьми, недовольными, что, правительство идетъ слишкомъ далеко, и также недовольными, что оно идетъ слишкомъ медленно,—развѣ тѣми и другими, съ необычайною самоувѣренностью не пророчествовались самые страшные ужасы немедленнаго разрушенія государства, потрясеніе всѣхъ его основъ, насильственный захватъ крестьянами всѣхъ помѣщичьихъ земель, и проч. и проч., чуть-чуть не свѣтопредставленіе, которое, впрочемъ, и посѣщало тогда ежедневно во снѣ многимъ благодушныхъ старушекъ-помѣщицъ! Но ничего подобнаго, ни въ 1861 г., ни позже, ничего даже приблизительно подобнаго ужасамъ, на Руси не-случилось.

Есть еще одно явленіе, которое проходитъ также весьма правильно черезъ всѣ эпохи обществен-

наго возбужденія въ Россіи и на которое я считаю полезнымъ обратить Ваше вниманіе. Съ каждою эпохою, общественное движеніе, также какъ и причины, его возбуждающія, дѣлаются сложнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ предъидущую эпоху. Такова была общественная дѣятельность, вызванная освобожденіемъ крестьянъ и другими государственными реформами, съ нимъ связанными, въ сравненіи съ обороною государства противъ торжествующаго на нашей землѣ иноземнаго врага (во время восточной войны). Патріотическое воодушевленіе, возбужденное этою обороною въ минуту слишкомъ очевидной опасности для государства, было также естественно и просто въ своей причинѣ и своей цѣли, какъ и во всѣхъ способахъ, нужныхъ для достиженія этой цѣли. Уже гораздо сложнѣе была общественная дѣятельность, потребовавшаяся для государственныхъ реформъ. Однако основныя начала и руководящія идеи этихъ реформъ, въ особенности въ ихъ первоначальномъ законодательномъ періодѣ, къ которому относится эпоха общественнаго возбужденія (1851—1860 гг.), были не сложны, ясны и почти безспорны для каждаго образованнаго и честнаго русскаго человѣка; по крайней мѣрѣ таковыми представлялись въ то время эти начала и идеи для зрѣлыхъ общественныхъ круговъ, не зараженныхъ ни предразсудками невѣжества, ни личными корыстными интересами прошедшаго.

Ликвидація казенныхъ банковъ, находившихся, послѣ выпуска бумажныхъ денегъ на восточную войну, наканунѣ неминуемаго своего банкротства, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостнаго права съ надѣленіемъ ихъ землею, самоуправленіе въ мѣстномъ земскомъ, городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, судъ независимый отъ администраціи и судъ присяжныхъ, ослабленіе цензуры, единство государственной кассы и проч. и проч., — все это были такія вещи, пользу которыхъ никакой умственно развитой человѣкъ не могъ или не хотѣлъ оспаривать, въ особенности въ сравненіи съ предшествовавшими дореформенными порядками, которые были единодушно осуждены всѣми, и старыми и новыми поколѣніями. Всѣ эти преобразованія безъ сомнѣнія вызвали чрезвычайную и самую плодотворную у насъ дѣятельность общественной мысли, и даже отчасти борьбу и въ обществѣ и въ печати. Но вся эта борьба велась во имя *общепринятыхъ и безспорныхъ истинъ науки и европейскаго просвѣщенія* (какъ по большей части и выражались въ то время). Общество раздѣлялось тогда на два лагеря—друзей и враговъ реформъ и, не мудрствуя лукаво, причисляло къ одному лагерю всѣхъ передовыхъ, честныхъ, и просто порядочныхъ людей, а ко второму всѣхъ невѣждъ, крѣпостниковъ, негодяевъ.... Это было можетъ быть очень наивно, но такъ оно было въ то время, *такъ было возможно и даже такъ было исто-*

рически необходимо для быстраго приближенія Россіи къ Западной Европѣ, т. е. къ всемірной цивилизаціи, отъ которой мы отстали тогда даже въ *чисто формальныхъ формахъ* государственнаго быта почти на цѣлое столѣтіе.

Гораздо сложнѣе и труднѣе была борьба съ Польшею, ознаменовавшая другой, послѣдующій, пароксизмъ нашего общественнаго воодушевленія. Уже тутъ, ко внутреннимъ вопросамъ, присоединились вопросы международные и дипломатическіе,— вопросы далеко не столь простые, какъ насильственное нападеніе чужеземнаго вооруженнаго врага на отечество (въ восточной войнѣ)—вопросы, надъ которыми приходилось поработать общественному мнѣнію и которые, какъ всѣ международныя и дипломатическія дѣла, составляютъ всегда шагъ впередъ въ развитіи всякаго общественнаго мнѣнія. Уже тутъ пришлось вести борьбу съ силами цивилизованными и благовоспитанными, а не съ столь грубыми и темными, какими были дѣйствительные или воображаемые крѣпостники 50-хъ годовъ. Всего сложнѣе и всего труднѣе была государственная задача къ устройству, преобразованію и объединенію съ Россіей быта привислянскихъ народонаселеній; исполненіе этой задачи, совершавшееся подъ строжайшимъ контролемъ не одного только русскаго, но и всесвѣтнаго и враждебнаго всему русскому общественнаго мнѣнія, должно было сдѣлаться наилучшею побѣдою,

какую Россія могла одержать на своей западной границѣ. Исполненіе этой задачи должно было сдѣлаться побѣдою всей русской культуры надъ всею польскою культурою, побѣдою всей исторіи русскаго государства надъ всей исторіей польскаго государства, — побѣдой безъ помощи и безъ извиненія слѣпаго счастья войны,—нравственнымъ торжествомъ одной націи надъ другою. Безъ этого, не надолго можетъ быть состоятельно торжество государственнаго меча и права сильнаго. Эта трудная государственная задача была исполнена Россіей, подъ выстрѣлами всей иностранной публицистики, съ успѣхомъ, который можно назвать почти блистательнымъ. Этотъ успѣхъ получаетъ громадное политическое значеніе именно въ настоящую минуту, въ связи съ восточнымъ вопросомъ, съ которымъ польскій вопросъ умѣлъ всегда страннымъ образомъ сочетаться; когда туркофильская печать съ изумительною наглостью уподобляетъ возстаніе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ возстанію поляковъ, т. е. польскихъ пановъ, противъ Россіи, то мы можемъ съ гордостью указать на совершенную противуположность того и другаго явленій: Россія, подавивъ вооруженное польское повстаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ освободила и благоустроила народныя массы, порабощенныя предводителями польскаго бунта, а турецкая власть оказалась не только совершенно несостоятельною къ улучшенію быта возставшихъ

народонаселеній, но была сама первою причиною ихъ страданій.

При всемъ этомъ нынѣшнее государственное дѣло, связанное съ восточнымъ вопросомъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ общественное движеніе имъ вызванное, еще неизмѣримо *сложнѣе* всего, что было пережито нами до сихъ поръ въ государственной исторіи Россіи. Тутъ наше общество соприкасается не только съ весьма сложными международными отношеніями, но также и съ весьма разнородными умственными теченіями въ западной Европѣ: оно имѣетъ и самыхъ пламенныхъ союзниковъ и отъявленныхъ враговъ во всѣхъ самыхъ образованныхъ земляхъ Европы. Русскому человѣку, желающему взглянуть сознательно, а не съ однимъ безотчетнымъ чувствомъ, на историческіе вопросы, разрѣшающіеся въ долинахъ Тимока, Моравы и Дрины и въ дипломатическихъ кабинетахъ Европы, не легко найтись и отыскать для себя мѣсто посреди этой пестроты чувствъ и мнѣній, истинъ и лжи, всюду сопровождающихъ теперь эти вопросы.

Но не только за границей, а даже и у насъ возникло разнообразіе сужденій и мнѣній посреди всего единодушія русскаго и общеславянскаго чувства. Это чувство, объявшее теперь весь нашъ народъ, безъсомнѣнія согласно—въ необходимости отстоять честь и достоинство отечества, защитить

южныхъ Славянъ въ ихъ неравной борьбѣ съ азіатской ордой и освободить ихъ отъ господства азіатскаго и мусульманскаго государственнаго порядка на Балканскомъ полуостровѣ. Во всемъ этомъ согласны, и это *необычайное единство* чувства и воли, соединившее весь народъ, и народъ съ правительствомъ, устрашаетъ всего болѣе западно-европейскихъ друзей азіатской орды! Но кромѣ этого существуетъ, однако, безчисленное множество вопросовъ, поставленныхъ Европѣ и Россіи герцоговинскою смутою и славянскою войною,—вопросовъ самыхъ первостепенныхъ и самыхъ капитальныхъ, на счетъ которыхъ, при всемъ сочувствіи къ мученикамъ Славянамъ, высказываются весьма разнародныя мнѣнія между образованнѣйшими и лучшими людьми не только въ западной Европѣ, а даже и въ Россіи. Самыя цивилизованныя силы западной Европы и цвѣтъ ея интеллигенціи раздѣлены по этимъ вопросамъ на множество оттѣнковъ. Тоже самое появилось отчасти и у насъ посреди всего *единодушія чувствъ* въ общественномъ движеніи на помощь Славянамъ. Это *разнообразіе* мнѣній и сужденій и составляетъ, какъ мнѣ кажется, самое замѣтное отличіе нынѣшней эпохи общественнаго возбужденія Россіи въ сравненіи съ *однозвучіемъ* всѣхъ предъидущихъ и однородныхъ съ нею эпохъ. Это разнообразіе есть неизбѣжное и естественное послѣдствіе, съ одной

стороны, чрезвычайной исторической сложности самой задачи, разрѣшающейся въ Европѣ подъ наименованіемъ „восточнаго вопроса“, а съ другой стороны, это разнообразіе мнѣній есть естественное послѣдствіе умственнаго и политическаго развитія нашего общества.

И такъ, сравненіе различныхъ и однородныхъ эпохъ Россіи, пережитыхъ нашимъ поколѣніемъ, приводитъ къ убѣжденію, что явленія наиболѣе выдающіяся въ теченіи всѣхъ этихъ эпохъ, посреди всего различія историческихъ обстоятельствъ и фактовъ и связывающія всю эту картину истекшей четверти вѣка въ одно цѣлое,—эти явленія носятъ на себѣ признаки историческаго роста нашихъ народныхъ силъ,—признаки того, что принято называть историческимъ прогрессомъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ мыслителей, Гербертъ Спенсеръ, не хочетъ ничего другаго видѣть во всемъ историческомъ прогрессѣ, кромѣ постоянно-возрастающаго и раскрывающагося разнообразія явленій исторической жизни, постояннаго *усложненія* всѣхъ отправленій въ историческомъ организмѣ каждаго народа. Другое явленіе, на которое я передъ тѣмъ указывалъ,—постоянно возрастающее съ каждою новою эпохой участіе общества въ государственной жизни,—это явленіе есть общепризнанная принадлежность всякаго преуспѣвающаго государства.

На этихъ утѣшительныхъ признакахъ, которые, конечно, лишь на столько не обманчивы, на сколько возможно необманчивое размышленіе современниковъ объ историческихъ событіяхъ, мы могли-бы успокоиться, сравнивая признаки разныхъ временъ, пороки и добродѣтели разныхъ поколѣній.

Простите, если воспоминанія молодости, съ которыхъ я началъ мое письмо, можетъ быть, набросили на него сперва тѣ меланхолическія тѣни, которыя всегда ложатся подъ осень жизни при этихъ свѣтлыхъ воспоминаніяхъ.

...... разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился,
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился:
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется,
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается
И чаще мы *вздыхаемъ* и молчимъ *)

Вы видите, однако, что размышленіе надъ признаками разныхъ временъ нисколько не привело насъ къ грустному заключенію о нынѣшнемъ времени. Благодаря работѣ всѣхъ прежде насъ трудившихся поколѣній и опыту, пережитому нами самими, мы уже достаточно созрѣли, чтобы разумно сознавать, безъ всякаго пессимизма и оптимизма, глубокій смыслъ нынѣшней эпохи; мы также и не достаточно состарѣлись, чтобъ могли оставаться хо-

*) Пушкинъ. 19 Октября 1836 года.

лодными зрителями всего воодушевленія этой великой эпохи, чтобы сердце наше могло быть безучастно въ пылкихъ и неудержимыхъ порывахъ самыхъ юныхъ представителей этой эпохи... Въ этихъ возвышенныхъ и самоотверженныхъ порывахъ во имя идеи, какъ будто снова возраждаются, послѣ продолжительной нравственной апатіи, наилучшіе дни нашей молодости... На этомъ я могъ бы остановиться, но мнѣ трудно воздержаться отъ назиданія, которое само собою напрашивается послѣ всего мною сказаннаго.

Весь очерченный мною рядъ историческихъ явленій, и въ особенности нынѣшняя эпоха, налагаютъ на молодое поколѣніе особенно трудныя обязанности, какихъ не предстояло намъ.

Тотчасъ послѣ школьной скамьи (почти еще раньше) передъ Вами открывается необычайно оживленная *общественная дѣятельность*, которая ожидала насъ только въ эпоху нашей возмужалости; тотчасъ за дверьми школы Вы становитесь *общественными дѣятелями* съ строго поставленнымъ передъ Вами общественнымъ долгомъ, во имя *общественной совѣсти*. Этотъ долгъ, Вы знаете, гораздо строже взыскивается, чѣмъ даже всякій служебный и канцелярскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разнообразіе мнѣній и теченій, васъ окружающихъ, требуетъ отъ васъ для исполненія вашего долга несравненно болѣе яснаго сознанія, посреди окружающихъ обстоя-

тельствъ и несравненно болѣе тонкаго ихъ анализа, чѣмъ это требовалось отъ насъ. Все это сознаніе и весь этотъ анализъ пріобрѣтаются только умственною работою, только *наукою*. Иначе это немыслимо и невозможно. Вамъ больше дано и отъ васъ больше взыщется будущими поколѣніями; объ ихъ судѣ вы обязаны подумать. Между прочимъ отъ вашей умственной работы, *отъ успѣховъ вашего гражданскаго сознанія*, прежде всего, зависитъ, чтобы тотъ порывистый ходъ нашей общественной жизни, о которомъ я говорилъ выше, сдѣлался болѣе устойчивымъ, чтобы промежутки усыпленія и апатіи, парализующіе ходъ всякой цивилизаціи, дѣлались болѣе и болѣе краткими.

Эти періоды общественой летаргіи обусловлены только слабостью умственной работы общества, которая въ средѣ зрѣлыхъ націй никогда не позволяетъ имъ предаваться сну и покою. При такой работѣ общество не нуждается для своего пробужденія ни въ какихъ потрясающихъ историческихъ событіяхъ....

Владиміръ Безобразовъ.

Царское Село.
19 Октября, день годовщины Имп. Александровскаго (бывшаго царскосельскаго) лицея, 1876 г.

Авторъ.

НАСТАЛО!

Настало! Довольно мы спали,
Проснулся весь Русскій народъ,
Зари тамъ лучи заблистали
Гдѣ блѣдныя звѣзды мерцали.
Стремится Россія впередъ!

***

Настало! Отцы, вы ужъ жили
И опытъ вашъ дорогъ для насъ;
Всѣ наши стремленья и силы,
Предъ тѣмъ, что сойдете въ могилы,
Пусть къ цѣли направитъ вашъ гласъ!

***

Настало! Тяжелыя грезы
Потерянныхъ дней улетятъ,
Ихъ смоютъ раскаянья слезы,
Промчатся минутныя грозы
И счастія дни ихъ смѣнятъ!

Павелъ Рейнботъ.

ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

Надъ Сербіей смилуйся Ты, Боже!
Заѣдаютъ насъ волки — янычары!
Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
Сыновей въ неволю забираютъ,
Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку
Распѣвать зазорныя пѣсни
И плясать бусурманскія пляски.
Старики даже съ нами согласны:
Унимать насъ они перестали —
Ужь и имъ нестерпимо насилье.
Гусляры насъ въ глаза укоряютъ:
«Долго-ль вамъ мирволить янычарамъ?
Долго-ль вамъ терпѣть оплеухи?
Или вы ужъ не сербы — цыганы?
Или вы не мужчины — старухи?
Вы бросайте ваши бѣлые домы,
Уходите въ Велійское ущелье —
Тамъ гроза готовится на турокъ,
Тамъ дружину свою собираетъ
Старый сербинъ, воевода Милошъ.»

А. Пушкинъ.

Русскіе Добровольцы.

Тяжка и многострадальна судьба славянскаго племени. Разбросанное на огромныхъ пространствахъ земли, оно частію утратило свою національность, какъ прибалтійскіе Славяне, частію прониклось духомъ чуждыхъ народовъ, какъ Польша, какъ магометанская часть населенія Босніи и Герцеговины, вошла въ составъ враждебныхъ государствъ, какъ Чехія: только восточнымъ развѣтвленіямъ общей семьи удалось составить самостоятельное государство, слиться въ одинъ обширный водоемъ. Сколько претерпѣло оно отъ всевозможнѣйшихъ завоевателей, сколько крови пролило оно за свою независимость, которою и теперь далеко не совсѣмъ пользуется! При такомъ чисто эпическомъ характерѣ исторіи славянской расы, неудивительно, что различныя ея народности не тяготѣютъ къ одному

центру, что ихъ взаимныя симпатіи носятъ на себѣ какой-то неясный, нерѣшительный отпечатокъ.

Россія всегда помогала славянамъ. Ея содѣйствіе, хотя и основанное на общности интересовъ, тѣмъ не менѣе, въ значительной степени безкорыстно и во всякомъ случаѣ не основано на задней мысли въ чемъ бы то ни было поживиться отъ освобождаемыхъ народовъ. Въ Сербіи же, однако, на это многіе взглянули не такъ: „Смотрите, говорятъ нѣкоторые, якобы дальновидные политики, Россія намъ теперь помогаетъ, принимайте ея помощь, но знайте, что она никогда не допуститъ образованія обширнаго Сербскаго государства". Такія слова, очевидно, должны были понравиться нашимъ *доброжелателямъ*—англійскимъ корреспондентамъ, которые и не преминули дать имъ возможную огласку, приписать имъ огромное преувеличенное значеніе.

Подобное подозрительное отношеніе къ нашему горячему сочувствію можетъ насъ огорчать, но мы не имѣемъ права ни удивляться, ни негодовать. Вникая ближе, мы убѣждаемся, что главная вина Южныхъ Славянъ передъ Европой, заключается въ солидарности съ нами... И дѣйствительно, стоитъ только предположить Россію несуществующей,—и какъ упрощается дѣло! Славянское движеніе немедленно отожествляется съ аналогичными возстаніями Венгріи и Италіи. Сербскіе нравы, ихъ націо-

нальный костюмъ — получаютъ огромную популярность, дамы стремятся у нихъ позаимствовать особенности туалета. Ристичи, Николичи—какіе блестящіе дѣятели и сколько въ нихъ патріотизма!... А Черногорія—племя героевъ, гомерическіе атлеты, удивившіе міръ неслыханными подвигами! Какая неисчерпаемая тема для беллетристовъ и журналистовъ, падкихъ до романическихъ образовъ и либеральныхъ фразъ... Къ несчастью, мы существуемъ, и это все портитъ. Но ставимъ вопросъ географическаго положенія Россіи и вытекающія изъ него враждебныя отношенія къ Европѣ. Спросимъ себя: многое ли мы сдѣлали, чтобы сообщить Сербамъ любовь и уваженіе къ нашей народности и жизни? На этотъ вопросъ отвѣтить не трудно. Русское общество старательно избѣгало разработки славянскаго быта, смѣялось надъ пылкими мечтаніями панславизма, воспитывало себя въ чуждыхъ преданіяхъ и культурѣ. Одно религіозное единство продолжало поддерживать связь между нами, оно, главнымъ образомъ, побуждало нашу дипломатію заботиться о судьбѣ нашихъ братьевъ Балканскаго полуострова. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, русское правительство стало впереди общества; въ теченіи двухъ послѣднихъ десятилѣтій мы подвергали себя самобичеванію, обнаруживали наши общественные неудачи; при такомъ направленіи литературной дѣятельности лучшей ча-

сти нашего общества, ему достаточно дѣла было дома... Попытки славянофиловъ возбудить иныя стремленія, служили какъ бы косвеннымъ оправданіемъ тогдашнимъ порядкамъ, ихъ горячая идеализація рѣзко противорѣчила съ анализомъ писателей натуральной школы, сохранившихъ и до сихъ поръ къ нимъ крайне непріятное чувство. Вспомнимъ рѣзкія, саркастическія рѣчи тургеневскаго Потугина.

Съ другой стороны и образованная Сербія, воспитанная въ Вѣнскомъ и Пражскомъ университетахъ, не отличается знаніемъ русскаго языка и исторіи... Ей все кажется, что Россія подавитъ, поглотитъ ее. Простонародье не задается столь далекими соображеніями, въ немъ сильнѣе говоритъ религіозное чувство: оттого-то у насъ, какъ и въ Сербіи, оно съ одушевленіемъ жертвуетъ и поднимается на великое дѣло. И такъ, православію, помѣшавшему главнымъ образомъ, обезличенію русскаго народа, пришлось и тутъ оказать существенную услугу.

1876 г. оставитъ неизгладимый слѣдъ въ исторіи. Русское правительство и народъ откровенно заступились за возставшихъ Славянъ. Преданія охранительной Меттерниховской политики, препятствовавшія открыто подать руку Славянамъ, уже болѣе не существуютъ. Крестьянскій людъ услышалъ про Сербію, страну угнетенную, единовѣрную

и единоплеменную. Отрицательное, скептическое настроеніе литературы смѣнилось горячимъ восторгомъ.

Въ общей сложности славянское дѣло значительно подвинулось впередъ. Россія щедро посылала деньги на санитарные отряды, но въ особенности нравственная связь ея съ славянами обнаружилась прибытіемъ русскихъ добровольцевъ. Появленіе ихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій не можетъ быть объяснено какими бы то ни было своекорыстными политическими соображеніями: всѣмъ стало ясно, что между Россіей и Славянами есть нѣчто внутреннее, соединяющее ихъ на вѣки.

Первымъ отправился М. Г. Черняевъ, отставной генералъ, стяжавшій подвигами въ Ташкентѣ значительную извѣстность. Военныя событія обнаружили его незамѣнимость для сербскаго дѣла. Прибывъ за два мѣсяца до начала войны, онъ дѣятельно принялся организовать войско, сообщать ему необходимую боевую подготовку. Задача была не легкая: приходилось имѣть дѣло съ людьми не привыкшими къ безусловному повиновенію; крутыя, во всей Европѣ употребляемыя мѣры, здѣсь были немыслимы. Михаилъ Григорьевичъ превозмогъ всѣ эти трудности. Съ замѣчательной смѣлостью, обошелъ онъ сильную крѣпость Нишъ, далъ туркамъ битву при Бабиной главѣ и выигралъ ее... Успѣхъ этотъ, къ несчастью, неимѣлъ рѣшительныхъ по-

И тщетны усилія иностранной политики. Сербія не бѣлградская, Сербія простонародная, воистину православная горячо сочувствуетъ русскому народу. 30-го Августа въ день тезоименитства русскаго Государя ни англо-мадьярская интрига, ни безпокойные омладинцы не помѣшали сербскому народу торжественно заявить благодарность Россіи безконечными „живіо" и „ура"!

Мы, русскіе, свергнувшіе мусульманское иго, побѣдившіе Наполеона, должны твердо вѣрить въ свою будущность, не поддаваться первому неблагопріятному стремленію вѣтра... Не будемъ же маловѣрными, укрѣпимся несокрушимымъ упованіемъ на успѣхъ славянскаго дѣла и если не мы, то по крайней мѣрѣ наши внуки увидятъ процвѣтаніе, нынѣ нами созидаемыхъ, центровъ всеславянской культуры.

Ю. Карцовъ.

Сентябрь
1876 г.

РУССКИМЪ ДОБРОВОЛЬЦАМЪ.

Хвала вамъ, братья дорогіе!
На подвигъ славный вы пошли:
Вы имя честное Россіи
Отъ нареканія спасли.
Но васъ на берега Моравы,
Гдѣ льется братій вашихъ кровь,
Влечетъ не блескъ военной славы,
Но состраданье и любовь.
Вы изувѣрства гнетъ суровый
Идете дружно облегчить:
Для этой цѣли вы готовы
За братій кровь свою пролить.
Сынъ — мать-старушку покидаетъ,
Невѣсту — любящій женихъ,
Отецъ — дѣтей, хотя не знаетъ,
Придется ли увидѣть ихъ.
О, да хранитъ васъ Провидѣнье
И въ битвѣ духъ вашъ укрѣпитъ!
А къ вамъ отъ насъ благословенье
Съ молитвой теплой полетитъ.
Да не напрасно кровь святая
Со славой обагритъ Балканъ;
Да возсіяетъ золотая
Заря свободы для славянъ.

Ѳ. Миллеръ.

ВСТАВАЙТЕ!

Вставайте! оковы распались,
Проржавѣла старая цѣпь!
Ужъ Нилъ и Ливанъ взволновались,
Проснулась Сирійская степь!
Вставайте, Славянскіе братья,
Болгаринъ, и Сербъ, и Хорватъ!
Скорѣе другъ къ другу въ объятья,
Скорѣй за отцовскій булатъ!
Скажите: «намъ въ старые годы
«Въ наслѣдство Господь даровалъ
«И степи, и быстрыя воды,
«И лѣсъ, и ущелія скалъ!»
Скажите: «Мы люди свободны, —
«Да будетъ свободна земля,
«И горы, и глуби подводны,
«И долы, и лѣсъ, и поля!
«Мы вольны, мы къ битвѣ готовы,
«И подвигъ нашъ честенъ и святъ:
«Намъ Богъ разрываетъ оковы,
«Намъ Богъ закаляетъ булатъ!»
«Смотрите, какъ мракъ убѣгаетъ,
Какъ мѣсяцъ двурогій угасъ!
Смотрите, какъ небо сіяетъ
Въ торжественный утренній часъ!
Какъ ярки и радости полны
Свѣтила грядущихъ вѣковъ!...
Вскипите-жъ, славянскія волны!
Проснитеся, гнѣзда орловъ!»

А. Хомяковъ.

ВЪ БОЙ.

(Стихотвореніе современнаго сербскаго поэта Ивана Драгашевича).

Въ бой, братья, въ бой! Насъ самъ Господь зоветъ;
Зоветъ народъ — ударимъ на тирана!
Въ бой, Сербы, въ бой! пусть иго въ прахъ падетъ!
Вѣдь рана брата есть и наша рана.
Въ бой, Сербы, въ бой, въ кровавый бой,
За свой народъ, за край родной!

О, скоро-ль Сербъ, Болгаринъ и Хорватъ
Стряхнутъ позоръ, престанутъ быть рабами?
О, скоро-ль нашъ забытый всѣми братъ
Подниметъ взоръ, разстанется съ цѣпями?
Возстанемъ всѣ — и врагъ падетъ,
Не то онъ сгубитъ нашъ народъ!

Въ бой, Сербы, въ бой, друзья, ударилъ часъ —
И врагъ падетъ подъ нашими мечами!
Въ бой, братья, въ бой! пусть міръ узнаетъ насъ,
Узнаетъ врагъ, что стали мы мужами.
Въ бой, Сербъ, Болгаринъ и Хорватъ!
Впередъ! ужь слышится набатъ....

Перев. Н. Гербель.

ОПЯТЬ ГОРИТЪ ВОСТОКЪ!

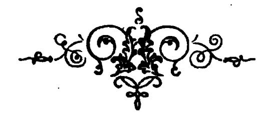
Опять горитъ Востокъ! Опять и кровь, и стонъ,
Спаленныя поля, насилье, смерть, проклятья!
Опять — блуждающихъ въ горахъ дѣтей и женъ
Ко братьямъ о Христѣ молящія объятья.

Европа на сей разъ внимаетъ ихъ мольбамъ....
Но взоры ихъ слѣдятъ за дальнею Россіей:
Тамъ — Царь-помазанникъ! стратигъ Востока тамъ!
Туда указано, предъ смертью Византіей....

И знаетъ это Русь.... и долгъ свой приняла —
И былъ онъ для нея, что свѣтъ для морехода;
И мысль великая съ ней крѣпла и росла
И въ разумѣ царей, и въ чаяньяхъ народа....

Ужь близокъ Николай у цѣли былъ.... Но Богъ
Еще отсрочилъ день.... Настала-ли година?
Чего могучій духъ *Отца* свершить не могъ,
Не суждено-ль свершить, быть можетъ, сердцу *Сына*?

А. Майковъ.

Цѣна 20 коп.

